

Н. А. СЕРГИЕНКО, д-р философии в области политологии
М. Н. ТВЕРДОХЛЕБ, председатель совета
(Общественная организация "Поступ", г. Киев)

КАКАЯ ДЕМОКРАТИЯ НАМ НУЖНА?

Наукові праці МАУП, 2003, вип. 5, с. 70–75

Ни одна из идейно-политических доктрин в современной Украине не дала ответ на новые вызовы времени, глубоко не укоренилась в политической жизни. Это не означает отсутствия в них перспектив, а также не дает оснований считать, что Украина настолько оригинальна в своем политическом развитии, что вместо укорененных в мировой общественной практике в ней получают развитие собственные оригинальные идеологические течения.

Большинство современных исследователей различают следующие основные типы политических идеологий: коммунизм, социал-демократия, либерализм, консерватизм, фашизм, национализм.

Поскольку в Украине актуальной остается проблема построения демократического общества и широко употребляется термин "демократия", то мы остановимся на природе этих понятий и определим их роль в перспективах развития украинского общества.

Демократия (Демосгасу) является синонимом правления народа и отличается от правления одного лица (монархия и автократия) или нескольких лиц (аристократия и олигархия). Только очень небольшие сообщества, такие как города ранней Новой Англии, смогли приблизиться почти к идеальной форме демократии. Демократическими являются те общества, которые ясно признают, что полномочия правительства происходят из согласия управляемых. В представительной демократии избиратели периодически избирают своих представителей, которые несут ответственность за принятие политических решений. Демократия процветает, когда выполняются хотя бы некоторые из следующих условий:

- 1) разделение власти;
- 2) ограничения власти правительства;

- 3) терпимость к разногласиям;
- 4) доступ к информации;
- 5) отсутствие раскола в обществе;
- 6) успешное экономическое развитие.

Мы не видим уточнения, какие именно условия являются необходимыми и сколько их должно выполняться для процветания демократии. Естественно, за постулат мы возьмем выполнение указанных условий, считая их идеальными.

Если говорить о разделении власти, то в Украине мы имеем формально разделенную законодательную, исполнительную, судебную ветви власти. Однако в реальной жизни исполнительная и судебная ветви власти зачастую являются зависимыми властными структурами, крепко связанными между собой.

Ограничение власти правительства опять-таки существует формально и абстрактно. Оно имеет малое отношение к конкретным людям и конкретным направлениям деятельности в определенных сферах интересов.

Декларируемые терпимость к разногласиям и доступ к информации во всей своей полноте проявляются в критические моменты ("кассетный скандал", резонансные судебные процессы, компромат на политических лидеров и т. д.), в частности перед очередными выборами.

Два последних условия вообще не подлежат рассмотрению по причине их невыполнения. Раскол общества налицо на очень бедных и очень богатых при незначительном по количеству и силе среднем классе. Успешным экономическим развитием мы можем гордиться при желании на бумаге, но это не делает уровень жизни людей на самом деле выше.

Относительно Украины можно сказать, что формальное существование некоторых из указан-

ных выше условий не дает возможности процветать демократии на украинской почве, а, строго говоря, делает вообще сомнительной возможность ее существования при отечественной модификации данных условий.

Однако для лучшего понимания того, как происходит трансформация государственного устройства в Украине и к какому его типу мы движемся, целесообразно обратиться к истокам учения о демократии.

Платон представлял государственное устройство следующим образом [5]: “Монархия, власть немногих и власть большинства — это три вида государственного правления. Все три вида имеют по две разновидности: царская власть и тирания, аристократия и олигархия”. Что касается демократии, ученый не дал четкой трактовки ее антипода.

Развивая данную тему, Платон утверждает, что если все виды государственного устройства основаны на законности и порядке, то жизнь при демократии оказывается наилучшей, а если при всех видах правления царит распущенность, демократический образ жизни торжествует победу.

Платон считает монархию, “скрепленную благими предписаниями, которые мы называем законами, наилучшей из шести; лишенная же законов, она наиболее тягостна и трудна для жизни, если не считать седьмой вид: его-то следует, как Бога от людей, отличать от всех прочих видов правления”.

Есть два как бы крайних вида государственного устройства, от которых, можно сказать по праву, родились остальные. Было бы правильно указать на монархию как на первый из них и на демократию как на второй.

Почти все остальные виды государственного устройства представляют собой пестрые соединения этих двух. Чтобы существовала свобода и дружба в соединении со здравым смыслом, неизбежно надо быть причастным и к тому и к другому виду. Согласно Платону, “наилучшие условия для возникновения справедливого государства возникают из тирании, затем — из царской власти, потом из демократии, после чего — из олигархии”. Последний наиболее интересный для нас тезис Платон объясняет следующим: “возникновение наилучшего государства произойдет лишь тогда, когда явится истинный по природе законодатель, и когда мощь его будет действовать сообща с самыми сильными в государстве лицами”.

Платон считал, что ни один государственный строй не принимается добровольно, а есть резуль-

тат длительной междоусобицы, “у каждого политического строя свой особый язык. Тот строй, который обращается к богачам и к людям на своем собственном языке и совершает соответствующие поступки, всегда процветает и сохраняется невредимым”.

Вернемся к платоновской характеристике демократии: “демократия осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожают, иных изгоняют, а остальных уравнивают в гражданских правах и в замещении государственных должностей. Именно так устанавливается демократия, происходит ли это силой оружия или же потому, что ее противники, устранившись, постепенно отступят”.

Далее: “Люди будут свободные: в государстве появится полная свобода и откровенность и возможность делать что хочешь. Свободный образ жизни приводит к тому, что человек живет, угождая первому налетевшему на него желанию: то он пьянствует, то вдруг пьет одну воду и изнуряет себя, то проводит время в занятиях, кажущихся ему философскими. В его жизни нет порядка, в ней не царит необходимость.

То, что определяет как благо демократия и к чему она ненасытно стремится (свобода), именно это ее и разрушает. Из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство.

Демократическое общество условно можно разделить, и действительно так это и обстоит, на три части:

1. Трутни. Они, за редким исключением, чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе. Выходит, что при таком государственном строе всем, за исключением немногих, распоряжаются подобные люди.

2. Богачи. Из дельцов самыми богатыми большей частью становятся и наиболее собранные по своей природе. С них-то трутням всего удобнее собрать побольше меду.

3. Народ. Те, что трудятся своими руками, чужды делячества, да и имущества у них немного. Они всего многочисленнее и при демократическом строе всего влиятельнее, особенно когда соберутся вместе. А их можно собрать с помощью власти, поскольку власти имеют возможность отнять собственность у имущих и раздать ее народу, оставив большую часть себе. (Но не есть ли источник власти тот же при других видах государства?)

В конце концов, когда богачи видят, что народ, обманутый клеветниками, готов не со зла, а по неведению расправиться с ними, тогда они волей-неволей становятся уже действительными приверженцами олигархии. Они тут ни при чем, просто тот самый трутень ужалил их, и от этого в них зародилось зло. Как в пословице “избегая дыма, угодишь в огонь”, так и народ из подчинения свободным людям попадает в услужение к деспотической власти и свою неумеренную свободу меняет на самое тяжкое и горькое рабство — рабство у рабов”.

Аристотель, развивая учение о государственном устройстве в целом и демократии в частности, писал [1]: “Некоторые утверждают, что наилучшее государственное устройство должно представлять собой смешение всех государственных устройств; это смешение состоит из олигархии, монархии и демократии”.

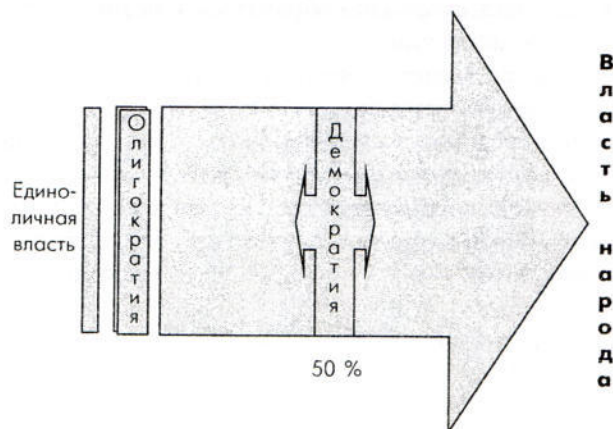
Далее философ пишет: “В демократических государствах верховная власть — в руках народа; в олигархиях, наоборот, в руках немногих”. “То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана — безразлично, у меньшинства или большинства — на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия”. “Легко может оказаться, что для одних демократия подходит более, чем олигархия, а для других — наоборот”.

“Демократией следует считать такой строй, когда свободнорожденные и неимущие составляют большинство, имеют верховную власть в своих руках, а олигархией — такой строй, при котором власть находится в руках людей богатых и благородного происхождения и образующих меньшинство”. Наилучшим видом демократии Аристотель считал общество, в котором большинство составляют земледельцы.

“Мерилом того, что смешение демократии и олигархии произведено хорошо, служит то, когда окажется возможным один и тот же вид государственного устройства называть и демократией и олигархией”. “Величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в том случае, когда они владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей”. “Демократия пользуется большей в сравнении с олигархиями безопасностью; существование их более долговечно благодаря наличию в них средних

граждан”. Однако философ видел в крайней демократии ту же тиранию.

Аристотель полагал, что средний вид государственного строя наилучший, так как только он не ведет к внутренним распрям и “законы следует издавать, применяясь к данному государственному строю, а не наоборот — подгонять государственное устройство к законам”.

Аристотель уже отличал политическое господство от деспотии и понимал его как самоопределение свободных и равных людей. Однако демократия как государственная форма не нашла решительных сторонников среди философов ни в античности, ни в Новое время — вплоть до Ж. Ж. Руссо. И только французская революция разожгла спор философов вокруг понятия демократии. Дискурс прослеживается на современном этапе в виде дискуссии либералов и демократов, социалистов и либералов, анархистов и социалистов, консерваторов и прогрессистов.

К примеру, для либералов права человека обладают нормативным приоритетом перед демократией. Критика, обращенная в адрес “тирании большинства”, выступает в двух разных вариантах. Классический либерализм понимает суверенитет народа как такой принцип равенства, который нуждается в ограничении. Д. Фрёбель пишет [8]: “Закон существует всего лишь для того человека, который либо сам его создал, либо же согласился с ним. Для любого другого человека это не закон, а заповедь или приказ”. Поэтому законы требуют обоснованного согласия всех. Демократический законодатель, издает свои законы, имея в виду только большинство.

Решение большинства может приниматься только таким образом, что его содержание считается рационально мотивированным итогом дискуссии, которая условно завершается, поскольку необходимо принять решение. “От меньшинства никто не требует, чтобы оно отказыва-

лось от своей воли, чтобы оно объявляло свое мнение ошибочным; от меньшинства не требуют даже того, чтобы оно отказывалось от своей цели. Но... требуют, чтобы меньшинство отказалось от практической реализации своего убеждения до тех пор, пока ему не удастся лучше представить свои аргументы и собрать необходимое число согласных с ним”.

Здесь возникает вопрос о том, как должна осуществляться свобода выбора при подобной трактовке демократических свобод.

Классические теории демократии исходят из того, что общество благодаря суверенному законодателю воздействует само на себя. Народ программирует законы; законы, в свою очередь, программируют их же разработку и применение. И благодаря этому члены общества через коллективно образующие решения органов управления и юстиции сохраняют те результаты и регулятивные правила, которые они же и запрограммировали.

В 30-х годах XX в. Николай Бердяев посвятил вопросу демократии ряд работ, критикующих демократию за то, что она не хочет знать, во имя чего изъясняется воля народа, и не хочет подчинить волю народа никакой высшей цели [2]: “Демократия носит формальный характер, она сама не знает своего содержания и в пределах утверждаемого ею принципа не имеет никакого содержания.

...Народовластие — беспредметно, оно не направлено ни на какой объект. Демократия остается равнодушной к добру и злу. Она — терпима, потому что индифферентна. В основе демократической идеи лежит гуманистическое самоутверждение человека.

Предпосылкой демократии является крайний оптимизм. Демократия верит, что изъяснение воли большинства, механический подсчет голосов всегда должны вести к добрым результатам. Формальное изъяснение воли народа ведет к какой-то правде, порождает какое-то благо. В основе демократии лежит оптимистическая предпосылка о естественной доброте и благостности человеческой природы. Демократия не хочет знать радикального зла человеческой природы. Она как будто бы не предусматривает того, что воля народа может направиться ко злу, что большинство может стоять за неправду и ложь, а истина и правда могут остаться достоянием небольшого меньшинства. В демократии нет никаких гарантий того, что воля народа будет направлена к добру, что воля народа пожелает свободы и не пожелает истребить всякую свободу без ос-

татка. ...Руссо отрицал свободу совести в принципе. Робеспьер истреблял ее на деле. Демократия индивидуалистична по своей основе, но по роковой своей диалектике она ведет к антииндивидуализму, к нивелированию человеческих индивидуальностей. Демократия — свобододолюбива, но это свобододолюбие возникает не из уважения к человеческому духу и человеческой индивидуальности, это — свобододолюбие равнодушных к истине. Демократии не означают непременно свободы духа, свободы выбора, этой свободы может быть больше в обществах не демократических.

Демократия создает парламент, самое неорганическое из образований, орган диктатуры политических партий. Все кратковременно в демократическом обществе, все устремлено к чему-то, выходящему за пределы самой демократии. Демократия признает суверенным и самодержавным народ, но народа она не знает, в демократиях нет народа. Народ есть великое историческое целое, в него входят все исторические поколения. ...Разочарование в демократии и кризис ее связаны с ее бессодержательным-формальным характером. Начинаются мучительные искания содержания народной воли... Важно не то, чтобы народная воля, воля всех была формально изъяснена и количественное большинство определило судьбы общества согласно любому направлению этой воли. Важно, на что направлена воля народа, важно качество этой воли”.

Главным выводом Н. Бердяева стало следующее: *“В тот момент, как демократия познает цель, к которой должна стремиться воля народа, обретет достойный предмет для своей воли, наполнится положительным содержанием, она должна будет эту цель, этот предмет, это содержание поставить выше самого формального принципа волеизъявления, положить в основу общества”*.

Следующим “скользким” моментом в логике демократии является ее взаимоотношения с таким понятием, как “национализм”. На взгляд многих исследователей, здесь таится противоречие, поскольку они рассматривают национализм как принципиально антидемократическое явление. В начале 90-х годов XX в. японский ученый Ф. Фукуяма выдвинул идею о том, что распад коммунизма оставил идеи либеральной демократии без реального противовеса, когда невозможно было определить какую-либо идеологию-конкурента [9]. Шломо Авинери не согласен с этой точкой зрения и утверждает, что не

либеральная демократия, а именно национализм явился реальным наследником коммунизма [10].

Гия Нодия сделал предположение о том, что национализм и демократия — это не две разные философии и что национализм может являться компонентом более сложного явления, которое со всеми его составляющими именуется “либеральной демократией”. “Идея национализма невозможна — даже теоретически без идеи демократии сама демократия никогда не существовала без национализма. Эти два компонента не могут жить друг без друга, хотя и сосуществуют в состоянии постоянного напряжения. Я согласен с Уинстоном Черчиллем в том, что демократия — это очень плохая политическая система, у которой есть лишь одно оправдание — все другие еще хуже” [4].

Предполагается, что демократия — это высоко рациональная модель. Ее связь с рационалистическими и философскими традициями легко прослеживается через понятие социального контракта. Социальный контракт предполагает, что общество состоит исключительно из свободных и умеющих считать индивидов, нацеленных на максимизацию собственных интересов. Демократия — это система правил, легитимированных волей народа: *предполагается, что волеизъявление народа всегда будет четко соответствовать интересам этого народа*. Таким образом, все, что не является достаточно рациональным — иррациональная философия или иррациональные человеческие чувства, обычно рассматривается как нечто противоречащее идее демократии.

Если рассматривать демократию как игру, многие ее аспекты будут выглядеть абсолютно рационально. Но, продолжив аналогию, обнаруживается и иррациональный аспект демократической модели. Законы демократии могут быть продуктом консенсуса рациональных политиков, но состав и территория, в рамках которых действуют эти законы, определить таким же способом невозможно. Демократия всегда возникала в отдельных сообществах. Еще нигде не зафиксирован случай, когда свободные, не связанные друг с другом сознательные индивидуумы спонтанно сошлись бы вместе, чтобы заключить демократический социальный контракт на пустом месте. Нравится нам это или нет, национализм есть та историческая сила, которая позволила объединить политические организмы в демократические модели правления.

В мире нет национальных границ, предопределенных естественным развитием. Критерии, по которым нации отличаются одна от другой, мо-

гут не быть универсальными, но политическое единство, необходимое для демократии, не может быть достигнуто без того, чтобы люди не определили себя сами как “нацию”.

Попытки отрицать важность национализма часто проистекают из нежелания признать тот факт, что демократическая модель, которую представляют вершиной рационального развития, в действительности опирается на иррациональный фундамент. Предупреждения о том, что национализм окажется основным препятствием на пути демократических реформ, игнорировали тот факт, что все реальные демократические движения были одновременно и движениями националистическими. Не вполне рациональный характер националистических принципов может потрясать основы демократии и вести к кровопролитию. Стремление сторонников современных моделей демократии сознательно избежать националистических подходов объясняется тем, что решение подобных проблем крайне редко достигается без боли и насилия.

Г. Нодия в статье “Национализм и демократия” утверждает, что “многие упреки национализма во имя демократии являются на самом деле упреками национализма во имя либерализма. Под либерализмом я имею в виду учение, согласно которому *свобода индивида является основной политической ценностью*. Ни демократический ни либеральный принципы не основаны на рациональном фундаменте. Предпочтение ценностей в этом случае должно быть в конечном итоге основано на вере, а не на рациональном знании” [4].

Все попытки объединить мир на основе универсальных доктрин, таких как христианство или коммунизм, привели только к росту межнациональной вражды. На сегодняшний день *основные принципы национализма получили более широкое распространение в мире, чем принципы либерализма или любой другой идеологии*.

“На теоретическом уровне либеральная идеология исключает любое признание принципов национализма, так как для истинного либерала человеческая личность сама по себе является определяющей единицей любого анализа. Государство как таковое неизбежно предполагает некое подавление и высшую власть над личностью, а это либералам не нравится. Они рассматривают государство как неизбежное зло, приемлемое лишь постольку, поскольку отсутствие такового грозит индивидуумам еще большими бедствиями. Либералы готовы примириться с государством, так как государство — это единственная

сила, способная предотвратить войну всех против всех и обеспечить соблюдение индивидуальных прав граждан. Но здесь встает вопрос, о каком государстве идет речь. Сегодня кажется очевидным, что либералы должны отдавать предпочтение демократическим государствам. Но отнюдь не все либералы однозначно встают на эту точку зрения. Почему бы, например, не предпочесть старую форму достойной просвещенной монархии, так как социальную базу либерализма всегда составляли элиты. Тирания большинства — а большинство всегда есть большинство посредственности — это страшная угроза демократии”.

Национализм — это медаль, имеющая две стороны: одна политическая, другая — этническая. До сих пор делались попытки представить это как два разных национализма — национализм “хороший” и национализм “плохой”. Идея принадлежности к единой нации — политическая идея, поэтому невозможен национализм без политического элемента, но суть этого понятия скорее этническая.

Нельзя полностью отрицать антилиберальной сущности этнической ориентации, но, обращаясь с ней умело, отрицательные последствия можно приглушить. Гордость этноса общими предками, славной историей, великими традициями, культурой, общим языком может быть сублимирована в патриотическое уважение к государственным институтам и достижениям демократической власти, а не власти чисто этнической. Но эти проявления страшной стороны национализма протекают не из завышенной этнической самооценки, а скорее из отсутствия выхода национальных чувств на политическом уровне. Когда у народа нет реального механизма для выражения гордости своей политической системой или государственным устройством, он начинает вместо этого гордиться своей наследственной принадлежностью к определенной расе, языком или культурной идентичностью.

Ф. Фукуяма считает, что подобная схема существует: *индустриальный прогресс, основанный на научно обоснованной рациональности, и капиталистическая экономика подводят нас к воротам земли обетованной либеральной демократии, но еще не обеспечивают вход в эти ворота* [9].

Ускоренная политизация населения требует более приемлемой идеологии, напрямую отвечающей представлениям граждан. Переходный период требует сильной исполнительной власти, а

это вызывает справедливые опасения возможности установления авторитарных режимов (лишь немногим посткоммунистическим лидерам удалось избежать обвинений в диктаторском стиле правления). Но отсутствие сильной руки на пульте управления может привести к анархии и распаду, что, в свою очередь, может заставить ужесточить репрессии в дальнейшем.

Цивилизованный мир обеспечивает адекватную, хотя не безупречную модель процветающей рыночной экономики и политического режима, разработавшего реальный дееспособный баланс сил *демократии, либерализма и национализма*. Экономическая система, основанная на принципе частной собственности, является неперемennым условием, позволяющим гражданам обеспечить здоровое соотношение между свободой и ответственностью — то соотношение, которое и определяет демократию.

Учитывая способность демократии смещаться, согласно историческим условиям, в сторону олигократии или, при наилучших условиях, стремиться к всеобщей власти народа, мы считаем целесообразным использовать *рациональный* подход в управлении демократией. В Украине уже возникли движения, декларирующие основы такого подхода (партия “Прагматический выбор”), однако в подобных платформах не определены взаимосвязи и соотношения демократии и рационализма, что предполагает необходимость развития теории рационально-демократического развития общества.

Литература

1. Аристотель. Соч. — М.: Мысль, 1983.
2. Бердяев Н. А. Демократия, социализм и теократия.
3. Дикань К. Десять років по тому: від УГС до... Історія новітнього партійного будівництва. — К., 1999.
4. Нодия Г. Национализм и демократия.
5. Платон. Соч.: В 3 т. — М., 1968–1972.
6. Ремизов М. В. Апология власти.
7. Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии.
8. Frobел J. Monarchic oder Republik. — Mannheim, 1848. — S. 97.
9. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. — N. Y.: Free Press, 1992.
10. Sholomo Aviner. The Return to History: The Breakup of the Soviet Union // Brookings Review. — 1992. — № 10. — P. 30–33.